

СЛАДКИЕ СЛЕЗЫ

СЛОВО О КОЛЛЕГЕ

Давно мне хотелось написать о Любови Михайловне Мамонтовой, но все не решался. И не потому, что не знал о чем писать. Об этой изумительной актрисе можно сочинить книгу. Но дело в том, что...

Однажды с радиожурналистом Диной Александровной Кривцун мы готовили передачу о творчестве Л. М. Мамонтовой. Закончена запись отрывков из спектаклей, в которых занята героиня нашего рассказа. Партнеры ее разошлись, а Любовь Михайловна задержалась, ей хотелось прочесть очерк, прежде чем он пойдет в эфир. Вдруг щеки ее зарделись, и она, всплеснув руками, воскликнула: — Сколько патоки! Ой, сколько патоки!

Дина Александровна взглянула на часы, затем еще раз пробежала глазами по страницам текста и сказала:

— Ну, что ж, попробуем убрать патоку...

Однако, едва взглянув на исправленный вариант, Любовь Михайловна снова запричитала:

— Ой, сколько патоки!

Время поджимало. Но героиня очерка оставалась неумолима: «много патоки и все!» О другой редакции материала уже не могло быть и речи. И тогда Любовь Михайловна предложила отрывки из спектаклей пустить в эфир, раз уж товарищи приходили, записывались, время свое тратили, но про нее ничего не говорить. Дина Александровна решилась на хитрость:

— Хорошо, — сказала она, — так и поступим, — и проводила Любовь Михайловну.

Времени на запись не оставалось. Очерк, урезанный до невозможности, пришлось мне читать «напрямую» перед микрофоном.

В этом небольшом эпизоде вся актриса. И, поверьте, здесь нет никакой позы. Л. М. Мамонтова действительно избегает любой, как она выражается, «конфетной мишуры». Актриса не хранит рецензий на спектакли, фотографий с ролей, «разве что какая случайно завалется»... Так же, как хлебоборо не хвастает прошлогодними урожаями, так и она не любит вспоминать о прошлом успехе.

Я же хочу рассказать несколько эпизодов из ее жизни. Заслуженная артистка РСФСР Мамонтова покорила меня своим талантом в первой же роли, в которой довелось ее увидеть. Спектакль «Тревога». Ее героиня — простая деревенская женщина, не обученная хорошим манерам и, по всей видимости, не очень грамотная. Но столько было в ее облике живого и достоверного, столько тепла, что в спектакле запомнилась мне одна лишь она. «Злыдень». Как только на сцене появлялась Федора Мамонтовой, внимание зала и сцены концентрировалось на ней. Реплики Федоры вскоре стали расхожими в театре — так сочно и заразительно произносила их актриса. В устах Любови Михайловны даже самый незамысловатый текст приобретает порой окраску литературного шедевра.

Хорошо помню, как на спектакле «Злыдень» в Волгограде неожиданно лопнул трос, поддерживающий помост. Помост угрожающе начал крениться, грозя опрокинуть с трехметровой высоты всех, кто находился на нем. Помогая Любови Михайловне добраться до устойчивых ступенек лестницы, обратил внимание на ее сосредоточенное, покрытое бусинками пота лицо. Губы ее вздрагивали, что-то произносилось. Невольно прислушался.

— Только бы не сорвать спектакль, только бы не сорвать спектакль, — как заклинание, повторяла она.

Во время наших гастролей в Виннице подходит однажды незнакомая женщина и просит устроить ее на спектакль, так как все билеты проданы. Ночью она уезжает к себе домой в Кривой Рог (в Виннице была по служебным делам). Прежде чем дали третий звонок, женщина объяснила, почему ей непременно хочется увидеть на сцене артистку Мамонтову...

Огромный МАЗ неожиданно выскочил из-за крутого поворота навстречу автобусу... Звон разбитого стекла, короткая вспышка боли. Сознание ее помутилось... Очнувшись в больнице. Вся в гипсе, бинтах. Множество переломов, тяжелое сотрясение мозга. Двести семьдесят дней находилась актриса в опасности... Преодолела. Встала. Победила. Заново училась говорить, ходить. А когда уже никто не верил, что она сможет вернуться к работе, пришла в театр и сказала: «Я актриса, мое место на сцене...»

Варвара Федоровна Босонько — так звали женщину, рассказывая мне все это, восхищалась и мужеством актрисы, и ее выдержкой, пренебрежением к собственной боли, умением страдать другим.

— Если б не Любовь Михайловна, вряд ли моя мама осталась живой. Сама в гипсе, жила на уколах, но такую бодрую обстановку умела создать в больничной палате, что удивлялись не только больные, но и врачи. Любаша, — так ласково назвала ее собеседница, — умела вселить в самого тяжелого больного веру в выздоровление...

Один из наших артистов как-то признался мне: «Если б не Мамонтова, не работал бы я в Кургане. Увидел на гастролях ваши спектакли с ее участием и решил во что бы то ни стало приехать на работу в город».

Любовь Михайловна имеет, а это очень редкий дар, свою тему в искусстве. Ее тема —

высокая проповедь добра и любви к человеку. Но добра активного, преобразующего мир. На первый взгляд многие ее героини внешне похожи. Но эта похожесть не имеет ничего общего с ординарностью. Актриса не стремится спрятать свою индивидуальность от зрителя ни гримом, ни шикарным париком, ни эффектным костюмом. Каждая роль дается ей тяжелым мучительным трудом. «Пустые глаза нельзя заgrimировать», — говаривал известный французский актер Жан Габен. Эту же фразу не единожды слышал я от Любови Михайловны. Почти каждая роль артистки — удивительное проникновение в тайники человеческой души. Вспомним ее героиню из шукшинских «Характеров». Роль явно отрицательная, но почему зритель, смеясь и негодуя, все же с некоторой грустью смотрит вслед этой бабенке, под свист и улюлюканье уходящей с деревенского схода?.. А секрет в том, что, не скупясь на сатирические краски, актриса лишь подчеркивает ими трагичную сущность своей героини, которая в погоне за живой погубила в себе добрые начала.

Или одна из вершин в творчестве Мамонтовой — роль Кукушкиной в бессмертной пьесе А. Н. Островского «Доходное место». Мне приходилось видеть многих актрис, играющих эту роль, но потрясение испытывал только глядя на сценическое создание Мамонтовой...

Многим памятна ее знаменитая пауза в третьем действии, когда любящая мать приходит к дочери убедить, что та невинно страдает, что муж ее не добытчик, мало денег несет в дом. И за это его нужно пилить, пилить, пилить. А целовать и ласкать мужа можно только тогда, когда принесет жене красивую обновку. Хоть укради, а в дом принеси. Кукушкину прогоняет зять. Оскорбленная в своих лучших чувствах мамаша уходит. Но прежде чем исчезнуть со сцены, на минуту замирает, пристально вглядываясь в зал, словно пытаясь узреть, а не сидит ли там какая-нибудь до сих пор еще живая родня...

Любовь Михайловна не любит отмечать дни рождения. Но шестидесятилетний ее юбилей мы не могли обойти молчанием. В актерской семье ничего не возможно сохранить в секрете, однако на этот раз всем театром готовили подарки, репетировали «капустник», испекли пирог, и до последней минуты это оставалось тайной для виновницы торжества.

Мы часто слышим выражение «любимец публики». Но впервые в жизни пришлось мне услышать на этом вечере искреннее: «любимица театра».

...Быстро уходят годы. Уже тридцать семь весен и зим прошло с той поры, как Люба Мамонтова stepped в храм Мельпомены. Более трехсот ролей сыграно актрисой. Пришли опыт, заслуженное уважение. Кажется, можно и успокоиться. Но...

Шли последние репетиции «Мисс Гоббс». А музыки к спектаклю все еще не было. Задолго до премьеры актриса предупредила режиссера о том, что ей ни разу за тридцать семь лет не приходилось петь на сцене, она этого не умеет... И просила не давать ей куплетов. Но куплеты ей дали. Только за день до премьеры принесли пленку. И вот последняя репетиция... Лихие такты вступления... Не получилось. Дали еще раз музыку, затем еще. Будь мы чуточку внимательнее, заметили б, как волнуется актриса, и, может быть, сумели успокоить ее... но... Мамонтова вдруг остановилась, закрыла лицо руками и, зарывшись, бросилась со сцены. Повисла долгая мучительная тишина... А за кулисами, как девочка, плакала актриса. Плакала оттого, что не получалась музыкальная фраза. И я подумал: «С каким же трепетом нужно любить искусство в себе, а не себя в искусстве, чтобы в зените славы и признания уметь так плакать...»

Ю. СОЛЯРИС,
член художественного совета
облдрамтеатра.